

Экономика Китая: перспективы смены модели экономического роста

Сегодня будущее китайской экономики привлекает внимание самых разнообразных групп мировой общественности, пожалуй, в неменьшей степени, чем ее феноменальный рост с начала 80-х гг. Этому есть свои причины. Во-первых, Китай уже сегодня занимает вторую строчку в мировом рейтинге по ВВП и расценивается в этом отношении как реальный конкурент США. Во-вторых, если экономика Китая так быстро росла в последние десятилетия, то как она поведет себя в дальнейшем? В-третьих, как скажется стремительная индустриализация и урбанизация Китая на ее ключевом экономическом преимуществе — дешевой рабочей силе? Эти и другие вопросы рождают один общий вопрос: что будет завтра?

Рост экономики Китая беспрецедентен. На протяжении последних тридцати с лишним лет Китай чудесным образом привлекает внимание мировой общественности благодаря небывалому скачку в социально-экономическом развитии. Если в 1978 г. показатель ВВП на душу населения в Китае составлял 2,5% от ВВП на душу населения в США, то сегодня он вырос до 20%. Если в начале 80-х годов 85% китайцев жили менее чем на 1,25 доллара в день, то уже к 2008 г. эта доля снизилась до 13%¹. Сейчас Китай занимает вторую строчку в мировом рейтинге по показателю ВВП, уступая место США, а будущее Китая остается предметом спора аналитиков и футурологов.

Успех Китая в плане экономического развития часто сравнивают с достижениями Японии, Южной Кореи и Тайваня второй половины XX века, у которых и была заимствована так называемая азиатская модель развития. Характерными особенностями данной модели являются: капитализация предприятий при низком уровне заработной платы, ориентация на экспорт продукции и быстрая индустриализация с вливанием колоссальных объемов инвестиций; строгий и постоянный контроль со стороны государства; финансовая поддержка предприятий со сторон государства и следование политике индустриализации с целью развития отраслей народного хозяйства.

Азиатская модель развития действительно зарекомендовала себя как результативный способ повышения экономического благосостояния страны. В процессе ее применения показатель совокупной производительности факторов производства в целом ряде государств стремительно увеличивался (относительно величины данного показателя в США): в Японии — с 56% в 1950 г. до 83% в 1975 г.,

в Корею — с 43% в 1965 г. до 63% в 1990 г., на Тайване — с 50% в 1965 г. до 80% в 1990 г. В Китае же производительность факторов производства (относительно значений показателя в США) за тридцать лет выросла с 3% до 13%². Этот относительно небольшой прирост дает основания интерпретировать нынешнее экономическое положение Китая двояко. С одной стороны, существует мнение, что дальнейший рост производительности можно обеспечить только путем проведения институциональных изменений в экономике страны. С другой стороны, есть предположение, что судить о результатах еще рано и у экономики Китая есть потенциал экстенсивного роста.

Существует немало противоречивых прогнозов относительно дальнейшего развития китайской экономики. Условно их можно разделить на две группы: оптимистичные и пессимистичные.

К числу оптимистичных относится прогноз профессора Ли Цзинвэня, опубликованный в монографии «Мега тенденции экономики Китая в XXI веке». В нем значатся следующие положения: во-первых, Китай способен, сочетая индустриализацию с информатизацией и развитие опорных отраслей с прорывами в научно-техническом прогрессе, к 2050 г. догнать развитые страны. Во-вторых, данную задачу предполагается решать в три этапа. К 2010 г. предстоит довести производство ВВП до 20 трлн. юаней, или до 14 тыс. юаней в среднедушевом выражении. При среднегодовом приросте в период 2011–2030 гг. в 5,9% производство ВВП к 2030 г. должно достичь 62 трлн. юаней. При среднегодовом приросте в 2031–2040 гг. в 4,9% и в 2041–2050 гг. в 4,3% объем ВВП страны к середине столетия должен составить 153 трлн. юаней, или около 100 тыс. юаней на душу населения. В-третьих, экономический рост будет сопровождаться поступательными сдвигами в структуре народного хозяйства. Доля сельского хозяйства в ВВП, по прогнозу, должна сократиться за полстолетия с 17,4 до 6,2%, доля промышленности и строительства — с 51,7 до 42,1% при одновременном увеличении доли сферы услуг с 30,9 до 51,7%. В-четвертых, по абсолютному размеру ВВП, рассчитанному в текущих ценах США, КНР должна обойти Соединенные Штаты приблизительно к 2030 г., а к середине XXI века — вдвое превзойти их³.

Декан Института по изучению современного Китая Ну Анганг пишет, что экономика Китая будет расти и в будущем благодаря «пяти двигателям»: ускорению индустриализации; ключевой роли Ки-

* Максимова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

тая в современном глобальном мире; его господству в сфере информационных технологий; стремительной модернизации китайской инфраструктуры в таких отраслях, как электроэнергетика и высокоскоростные поезда; росту интернационализации китайской экономики. Ну Анганг также считает, что государственная поддержка предприятий в Китае — это его основная движущая сила и в будущем эта поддержка не потеряет своего значения в экономическом развитии страны. Goolam Ballim, главный экономист банка Standard Group, считает, что к 2050 г. мир может сильно измениться. В своем прогнозе экономист допускает, что в отдаленной перспективе в тройку крупнейших экономик мира будут входить Китай, Индия и Бразилия, тогда как нынешний лидер — США — будет лишь четвертой экономикой мира. Goolam Ballim пишет: «В какой-то степени ситуация с Китаем напоминает старую поговорку о том, что второй миллион заработать проще, чем первый. Когда Китай догонит США по объемам ВВП, ему будет легче его удвоить». Miranda Carr, глава отдела исследований по Китаю в NSBO, предполагает, что Китай станет крупнейшей мировой экономикой между 2025 и 2030 гг. и станет вдвое больше США к 2050 году.

Пессимистичные прогнозы, напротив, говорят о том, что Китай вряд ли будет демонстрировать впечатляющий рост в будущем. В своем прогнозе Сюй Сяньчуня отмечает следующие главные моменты. Во-первых, он исходит из неуклонной тенденции постепенного затухания темпов прироста ВВП Китая. Во-вторых, в базовом прогнозе Сюй Сяньчуня значительно скромнее, чем Ли Цзинвэнь, оценивает перспективы состязания Китая с США по абсолютному размеру ВВП. Так, соотношение ВВП КНР и США с 10,9% в 2000 г. должно возрасти до 36,1% в 2050 г. и остаться примерно таким же к концу XXI века. В то же время, согласно прогнозу, в 2056 г. Китай должен опередить Японию по объему ВВП. В-третьих, данная ситуация может радикально измениться в случае повышения курсовой стоимости юаня по отношению к доллару. Сюй Сяньчунь считает вполне вероятным повышение официальной курсовой стоимости юаня к доллару вдвое за период 2011–2050 годов. В этом случае к середине века КНР уверенно опередит Японию и станет второй экономикой в мире после США. В то же время Сюй Сяньчунь рассматривает возможность

достижения Китаем уровня США до конца столетия как незначительную⁴.

В свою очередь, Gary Liu, исполнительный директор CEIBS, считает, что причины роста китайской экономики отчасти кроются в нарушении экологических норм. «Дело не в том, насколько велика экономика Китая, а в том, как она достигла своих размеров... Я уверен, что ее размеры стоили многим людям их здоровья. Обратите внимание, как загрязнены вода и воздух. Думаю, что в будущем в Китае значительно возрастет число людей с такими страшными заболеваниями, как онкология». Gary Liu также считает абсурдным предположение о том, что Китай удвоит ВВП США. По его мнению, не стоит недооценивать возможностей инновационного развития США. Если Китай и догонит их по показателю ВВП, то не ранее 2033 года. Xu Bin, профессор экономики и финансов и заместитель декана CEIBS в Шанхае, придерживается точки зрения, что росту экономики мешают государственные предприятия и что многие из них должны быть приватизированы. Его основной довод состоит в том, что дальнейшее развитие будет требовать внедрения инноваций, а государство неспособно обеспечить инновационное развитие экономики. Тем не менее, по его прогнозу, в 2018 г. Китай догонит США по объему ВВП, и по мере сближения в соответствии с эффектом выравнивания темпы роста китайской экономики упадут ниже 4% (для сравнения, в период с 2003 по 2012 г. средние темпы роста ВВП Китая составляли 10,45%).

Среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения Китая, как пишет в своем прогнозе В. Г. Кли-

	Среднегодовые темпы роста ВВП ⁶			ВВП (US\$, 2005)		
	1997–2007	2007–2009	2009–2050	2009	2030	2050
Аргентина	2,6	2,0	4,1	223	527	1267
Австралия	3,6	1,5	2,9	787	1501	2257
Бразилия	2,8	2,2	4,1	1011	2440	6020
Канада	3,3	-1,0	2,6	1171	2083	3154
Китай	9,6	8,8	5,6	3335	21 479	46 265
Франция	2,4	-1,0	2,1	2204	3323	4528
Германия	1,6	-2,1	1,4	2833	3593	4535
Индия	7,0	6,3	5,9	1065	5328	15 384
Индонезия	2,7	5,0	4,8	354	1073	2975
Италия	1,5	-3,1	1,3	1732	2197	2580
Япония	1,1	-3,1	1,1	4467	5786	6216
Корея	4,3	0,6	2,5	945	2122	2812
Мексика	3,3	-3,1	4,3	866	2397	5709
Россия	5,7	-1,2	3,3	869	2487	4297
Саудовская Аравия	3,2	1,7	4,8	348	896	2419
ЮАР	3,7	0,4	4,3	271	791	1919
Турция	4,0	-2,9	4,4	509	1437	3536
Великобритания	2,9	-1,9	2,1	2320	3597	4997
США	3,0	-1,2	2,7	12 949	22 258	28 646

нов⁵, в 2001–2025 годах снизится примерно до 6,0%. Во-первых, в условиях восходящей волны обострится конкуренция в области привлечения капиталовложений и интенсивность притока иностранных капложений в Китай уменьшится. Во-вторых, индустриализация Китая идет по наиболее энергоемкому и материалоемкому направлению, что в условиях мирового дефицита и удорожания соответствующих ресурсов отрицательно скажется на темпах экономического роста.

Банк Goldman and Sachs оценил ВВП Китая 2000 г. в ценах и по соотношению курсов валют 2003 г. в размере 1078 млрд. долл. ВВП Китая 2050 г. в ценах 2003-го, но по предполагаемому соотношению курсов валют 2050 г. может достичь 44,5 трлн. долл.

Согласно прогнозу Фонда Карнеги в 2010 г., Китай, Индия и США будут крупнейшими экономиками мира к 2050-му. Их суммарный ВВП будет превышать суммарный ВВП остальных стран «большой двадцатки» на 70%. Суммарный ВВП Китая и Индии будет составлять около \$ 60 трлн. — приблизительно столько составляет размер мировой экономики сегодня⁷. США уступят Китаю в экономическом могуществе к 2032 году. Этому будет способствовать рост экономики Китая в среднем 5,6% в год и укрепление юаня. Однако размер ВВП на душу населения в США будет в три раза выше, чем в Китае, и в восемь раз выше, чем в Индии, что вместе с технологическим превосходством обеспечит им положение лидера среди мировой общественности.

Темпы роста ВВП Китая, %⁸

Год	Значение
2003	10,0
2004	10,1
2005	11,3
2006	12,7
2007	14,2
2008	9,6
2009	9,2
2010	10,4
2011	9,2
2012	7,8

Одним из оснований для пессимистичных прогнозов будущего китайской экономики служит то, что, помимо необычайно стремительного развития экономики, страны, использовавшие азиатскую модель развития, объединяет и тот факт, что темпы их экономического роста однажды резко замедлились. Так, критики этой модели строят свои прогнозы, обосновывая их тем, что сама модель не в состоянии обеспечить долгосрочного эконо-

мического развития. Проблема, по их мнению, заключается в следующем. Государство для привлечения иностранных инвестиций в экономику страны должно обеспечить динамичный рост производства в отрасли, что оно и делает с помощью субсидий. Это искусственное привлечение средств приводит к тому, что значительная их часть тратится впустую и генерируются избыточные мощности. Дотационные предприятия безответственно распоряжаются средствами, которые им не придется возвращать, и в результате возводятся заводы и здания, которые не нужны. Таким образом, колоссальные инвестиции уходят впустую и вместо полезного эффекта становятся причиной неэффективности экономики.

Аналогичная ситуация характерна и для современного Китая. К примеру, страна инвестирует сотни миллиардов долларов в строительство высокоскоростных железных дорог, хотя цены на билеты слишком высоки для большинства китайцев, а многие крупные китайские города не имеют метро. Значительная доля инвестиций направляется в сектор недвижимости, развитие которого является одной из основных движущих сил роста китайской экономики⁹. Однако строятся здания, квартиры в которых недоступны большинству китайцев и, следовательно, не продаются. В Вэньчжоу, к примеру, агент по недвижимости в качестве маркетингового хода предлагает бесплатно автомобиль марки BMW тем, кто купит квартиру премиум-класса¹⁰. Возводятся торговые центры, в которые не ходят покупатели.

Некоторые аналитики¹¹ полагают, что при более эффективном использовании капитала и рабочей силы совокупная производительность факторов производства в Китае была бы выше. Hsie и Klenow отмечают рост показателя в период с 1998 по 2005 г., однако, по их мнению, неизвлекаемый потенциал (в промышленном секторе) составляет порядка 30%. К аналогичным выводам пришли Song и Wu¹². Росту производительности, как пишет в своей статье Xiaodong Zhu¹³, в первую очередь препятствует протекционистская политика государства: «Контролируемые государством фирмы, защищенные экономическими барьерами от частных и иностранных конкурентов, по-прежнему обладают практически монопольными правами и прибылями в различных отраслях, начиная от энергетики, перевозок и телекоммуникаций и заканчивая банковской сферой, сферой развлечений, образования и здравоохранения».

Xiaodong Zhu уверен, что для роста производительности факторов производства необходимы институциональные изменения, направленные на создание условий нормальной рыночной конкуренции в различных отраслях экономики. Он пишет, что на протяжении последних тридцати пяти лет китайские власти пытаются провести экономические реформы без политических. В результате складывается ситуация, при которой монопольной властью обладают заинтересованные близкие к правитель-

ству группы, имеет место быть неравенство доходов и процветает коррупция.

Государственный капитализм традиционно яро критикуется некоторыми аналитиками — сторонниками либерализации экономики. Однако, если вспомнить, именно активное участие государства способствовало развитию экономик таких стран, как Тайвань, Южная Корея и Сингапур. Китай, по сравнению с ними обладает значительно более высоким потенциалом развития и в то же время своеобразным подходом к демократизации. По мнению главного экономиста HSBC в Китае Qu Hongbin, процесс индустриализации и урбанизации в Китае произведен лишь наполовину и стране по-прежнему необходимы инвестиции в железные дороги, больницы и промышленные предприятия и т.д. Накопления капитала в Китае еще далеки от стадии убывающей доходности, а значит, нужна помощь со стороны государства.

Критика государственного протекционизма опирается на идеологию свободного рынка, свойственной западной культуре, и во многом не учитывает специфику китайских национальных культурных традиций. Тысячелетиями в Китае культивировалась мысль о том, что все китайское — мысль, культура, модель общественного развития, устройства общества — это нечто исключительное, выше всего существующего в мире, что внешний мир несправедлив к китайцам, он их территориальный и моральный должник¹⁴. Эта мысль уводит нас к более глубокому вопросу о национальной культуре и идеологии. Отметим лишь тот факт, что в Китае правит Коммунистическая партия, а остальные 8 партий признают руководство со стороны КПК. «Демократические партии не находятся в оппозиции, а принимают участие в политической деятельности страны»¹⁵. Можно ли в этом случае говорить о демократии в Китае? Нужно ли пробовать применение в китайских условиях западной модели экономики? Думается, что расхожая мысль о необходимости адаптации методов и моделей под определенные условия нашла свое воплощение в псевдорыночной экономике Китая — части социализма с китайской спецификой. Ведь именно она привела Китай к столь высоким результатам. Как говорил Дэн Сяопин: «При осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая... и нужно со всей серьезностью изучать и заимствовать опыт других стран... [но] идти свои путем»¹⁶.

Вопрос о том, какой будет страна к 2050 г., имеет принципиальное значение для граждан Китая. Этот год символичен, поскольку, с одной стороны, именно в 2050 г. будет отмечаться юбилей (100 лет) КПК, а с другой стороны, как известно, Дэн Сяопин завещал, что к этому времени в стране должен быть построен социализм с китайской спецификой: «За два десятилетия, то есть к концу нашего века (имеется в виду XX век), увеличить производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в четы-

ре раза, достигнуть среднезажиточного уровня жизни... Для того, чтобы действительно стать развитой страной... Китаю потребуются еще 30–50 лет»¹⁷.

В выступлениях и статьях китайских лидеров — Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао — пропагандируется общее стремление к «организации и сплочению в деле построения независимого, свободного, демократического, единого, богатого и могучего Нового Китая»¹⁸. Эти идеи нашли свое воплощение в документе, получившем название «Прогноз — 2050». Этот документ, как отмечает К.Г. Муратшина, представляет четко сформулированную и просчитанную с учетом всевозможных вызовов стратегию экономического развития Китая, преобразования его экономики в индустриально-информационную, подъема на уровень экономически развитых стран.

Оценка уровня модернизации Китая в первой половине XXI в.¹⁹

Наименование показателя	2000	2020	2030	2040	2050
Доля расходов на НИОКР в ВВП, %	1,0	2,0	2,4	3,0	3,6
Количество научных работников на 10000 жителей	5,5	12	18	26	39
Количество патентов на 1 млн. жителей	20	112	201	359	643
Охват средним образованием, %	63	85	89	94	99
Охват высшим образованием, %	7,2	24	34	48	68
Охват ТВ, телевизоров на 1000 человек	293	583	644	711	786
Доступ в Интернет пользователей на 10 тыс. жителей	178	2000	3000	5000	8000
Урбанизация, %	36	53	61	71	81
Средняя продолжительность жизни, лет	70	74	77	79	81
Среднедушевое энергопотребление, кг нефтяного эквивалента на человека	868	1902	2556	3435	4616
Среднедушевой ВВП (2000), долл.	840	2451	3992	6503	10593
Среднедушевой ВВП по ППС (2000), долл.	3920	11435	15368	20653	27756
Доля отраслей материального производства в ВВП, %	67	45	37	30	24
Доля занятых в материальном производстве, %	73	49	40	33	27

Ядро стратегии развития Китая — идея «великого возрождения китайской нации». Дэн Сяопин не только сформулировал стратегию, но и фактически дал наставление гражданам Китая, каких принципов они должны придерживаться на пути к общенациональной цели. Китайский гражданин должен «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжее, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное»²⁰.

Учитывая глубокую проработанность плана стратегии экономического развития Китая к 2050 г., сомнения по поводу его реализации невольно отступают. Однако план — это модель и в реальности эта модель, может быть и вероятно, будет искажена. Свои коррективы вносит сама жизнь.

По данным ООН²¹, в 2013 г. численность мирового населения составила 7,6 млрд. человек, а к 2050 г. эта цифра вырастет до 9,6 млрд. человек. Однако Китай, как отмечается в прогнозе, опубликованном на сайте ООН²², уже к 2028 г. перестанет быть лидером по численности населения, уступив место Индии²³.

Опасения Китая вызывает прогноз относительно численности трудоспособного населения, непосредственно послужившего стремительному росту экономики страны в течение последних десятилетий. Считается, что к 2050 г. число населения пенсионного возраста (старше 60 лет) достигнет 30% населения страны. Отношение числа населения в возрасте 15–64 лет к зависимому населению (тем, кто младше и старше) стремительно росло в течение последних десятилетий, достигло своего пика и будет снижаться. Так как численность трудоспособного населения имеет решающее значение для быстрого экономического роста, снижение этого показателя повлечет за собой экономические трудности. В течение многих лет растущая численность трудоспособного населения обеспечивала китайским производителям источник дешевой рабочей силы. Дешевый труд сыграл решающую роль в создании экспортной машины Китая. Смягчение потенциальных экономических проблем, связанных со старением населения, таким образом, одна из тех задач, которые предстоит решать Китаю в ближайшие десятилетия.

Такая демографическая ситуация является прямым следствием политики сокращения рождаемости, предпринятой правительством Китая в конце 1970-х гг. Как неоднократно отмечалось в СМИ и в докладах высокопоставленных чиновников и политиков: «За 30 лет (то есть начиная с 1980 г.) родилось на 400 миллионов человек меньше». В действительности индекс рождаемости сократился с 5,8 в 1979 г. до 1,63 в 2013 г.²⁴ Любопытно, что данный факт представляется в разном свете в зависимости

от ситуации. Например, на форуме ООН в 2009 г., посвященном изменению климата, заместитель начальника комиссии по народонаселению и планированию семьи Чжао Байкэ отметил, что политика в отношении рождаемости в Китае внесла вклад в сокращение выбросов вредных газов. В другом случае, опасаясь критики правительства за жесткие негуманные меры со стороны международного сообщества, информация представляется как искаженная: «По нашим грубым подсчетам, в результате действия политики ограничения рождаемости с 1980 года родилось максимум на 100 млн. человек меньше. Остальные 300 млн. нельзя отнести к действию этой политики».

Б. Н. Кузык и М. Л. Титаренко отмечают четыре гипотетических сценария экономического развития Китая.

1. Резкое возвышение. Такому сценарию, по мнению исследователей, соответствовал бы выход на второе место в мире вслед за США по абсолютному объему ВВП, пересчитанному из юаней в доллары по официальному курсу. Доля Китая в мировой торговле с нынешних 6% выросла бы до 9–10% с одновременным переходом на более высокие этажи в международном разделении труда. Реализация подобного сценария требует длительного сохранения высоких темпов роста. При среднегодовом приросте ВВП в 7% за 20 лет он вырастет почти в 4 раза, а за 30 лет — в 7,6 раза. Китай, где экономические и иные успехи неизменно ведут к росту национальной гордости, граничащей с национализмом, будет становиться все более жестким и неуступчивым политическим партнером.
2. Затухание темпов роста (после 2010 года — до 5–6% в год, после 2020 года — еще ниже). Сценарий вытекает из сегодняшних тенденций развития и обещает большую предсказуемость и покладистость Китая на международной арене.
3. Застой — затухание темпов роста до уровня, обеспечивающего только удовлетворение потребностей возрастающего населения и стагнацию общего уровня жизни. Этот сценарий вряд ли реализуется в ближайшие годы, так как Китай имеет огромный инвестиционный задел. Он возможен, однако, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике.
4. Срыв. Срыв в экономическом развитии, под которым подразумевается скатывание страны к суженному воспроизводству. Этот вариант возможен только в случае гипотетической попытки силового восстановления суверенитета над Тайванем. Угрозу срыва в результате смены общественного строя или тотальных внутренних беспорядков нельзя сбрасывать со счетов хотя бы теоретически.

Однако реализации любого сценария экономического развития Китая могут помешать факторы, весьма условно поддающиеся прогнозированию

или не поддающиеся ему вообще, но способные в корне изменить экономическое и геополитическое положение государства. К их числу относятся²⁵:

1. Идеи и поведение лидеров государства. История XX века учит, что действия влиятельных лидеров предвидеть сложнее всего. В.И. Ленин, И.В. Сталин, М. Цзэдун, А. Гитлер — яркое тому подтверждение.
2. Экономическое непостоянство. Резкие экономические перемены в стране, как правило, влекут за собой политическую нестабильность. Так, экономическое непостоянство и возведение протекционистских барьеров в двадцатых и тридцатых годах XX века вместе с затянувшимся негодованием по поводу Версальского мирного договора обеспечили предпосылки для Второй мировой войны; крах многонациональных и национальных империй, начавшийся после Первой мировой войны и продолжившийся после разрушения колониальных империй после Второй мировой войны, развязал целый ряд национальных и этнических конфликтов; нынешняя глобализация спровоцировала миграцию, разрушив традиционные социальные и географические границы.
3. Геополитическое соперничество. Конфликты, возникающие на этой почве, служили причинами многочисленных войн, крахов империй и подъемов новых сил.

Вместе с тем представляется наиболее вероятной реализация первого, оптимистичного, сценария с выходом на лидирующие позиции в экономическом развитии. При этом сильная идеологическая платформа, нацеленная на совместное создание светлого будущего с помощью индустриального альянса и солидарности («With Industrial Alliance and Solidarity to co-create bright future!») и способность построения предприятий мирового уровня с помощью развития технологий и инноваций («Enhance Technology Innovation Ability to build World Class Enterprise!») представляют собой важную составляющую будущего экономического успеха Китая.

Примечания

¹ http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=153&type=news&top_menu=photo&sb=61&newsid=1965

² Xiaodong Zhu «Understanding China's Growth: Past, Present, and Future», *Journal of Economic Perspectives*. Volume 26, Number 4. Fall 2012. P. 103–124.

³ Титаренко М.Л. (отв. ред.). Экономика Китая вступает в XXI век. М., 2004. С. 38–39, 51, 58.

⁴ Кузык Б. Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 345.

⁵ Клинов В. Г. *Мировая экономика: прогноз до 2050 г.* / В. Г. Клинов // *Вопросы экономики*. 2008. № 5. С. 62–79.

⁶ “The World Order In 2050” Carnegie Endowment for International Peace. Policy Outlook, April 2010. P. 8 // http://carnegieendowment.org/files/World_Order_in_2050.pdf

⁷ Там же. P. 9.

⁸ <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=china&table=ggecia>

⁹ <http://business.time.com/2012/02/27/why-china-will-have-an-economic-crisis/>

¹⁰ <http://business.time.com/2012/02/27/why-china-will-have-an-economic-crisis/>

¹¹ Hsieh, Chang-Tai, and Peter J. Klenow. 2009. “Misallocation and Manufacturing TFP in China and India”. *Quarterly Journal of Economics* 74(4): 1403–48.

¹² Song, Michael Zheng, and Laura Wu. 2011. “A Structural Estimation on Capital Market Distortions”.

¹³ Xiaodong Zhu «Understanding China's Growth: Past, Present, and Future», *Journal of Economic Perspectives*. Volume 26, Number 4. Fall 2012. P. 103–124.

¹⁴ Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, *Актуальные проблемы ШОС*, 2010. С. 90.

¹⁵ <http://russian.cri.cn/chinaabc/chapter2/chapter20402.htm>

¹⁶ Дэн Сяопин. Вступительная речь на XII Всекитайском съезде КПК 1 сентября 1982 г. // О строительстве специфически китайского социализма. Бэйцзин, 1984. С. 3–4. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, *Актуальные проблемы ШОС*, 2010. С. 87.

¹⁷ Дэн Сяопин. Идея «одно государство — два строя» выдвинута на основе реальных условий // *Основные вопросы современного Китая*. М., 1988. С. 120. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, *Актуальные проблемы ШОС*, 2010. С. 87.

¹⁸ Мао Цзэдун. Политический отчет ЦК КПК VII съезду КПК 24 апреля 1945 г. // *Избранные произведения*. 1953. Т. 4. С. 460. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, *Актуальные проблемы ШОС*, 2010. С. 86.

¹⁹ Кузык Б. Н., Титаренко М.Л. *Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития*. М., 2006. С. 346.

²⁰ Цзян Цзэминь. Выступление перед слушателями 3-го набора семинара по изучению теории партия строительства (31 июля 1991 г.) // О социализме с китайской спецификой. Кабинет ЦК КПК по изучению документов. М., 2004. Т. 3. С. 473. Цит. по: Муратшина К. Г. «Китай — 2050»: специфика формирования стратегии, *Актуальные проблемы ШОС*, 2010. С. 90.

²¹ <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPiC> — 18F

²² <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPiC> — 18F

²³ Численность населения Индии к 2028 г., по прогнозам, превысит 1,45 млрд. человек. К 2031 г. Индия станет лидером по численности населения (<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPiC> — 18F; http://carnegieendowment.org/files/World_Order_in_2050.pdf).

²⁴ <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=45165#.Ul-hPiC> — 18F

²⁵ Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. — М.: Издательство «Европа», 2009. С. 30.